

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-7-80-98

«Дальневосточная» инвестиционная политика и доходы граждан в разрезе основных отраслей: опыт эмпирического анализа¹

И.П. ГЛАЗЫРИНА, доктор экономических наук

E-mail: iglazyrina@bk.ru; ORCID: 0000-0001-6774-9284

Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН

Л.М. ФАЛЕЙЧИК, кандидат технических наук

E-mail: lfaleychik@bk.ru; ORCID: 0000-0003-2963-1992

Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН

А.А. ФАЛЕЙЧИК, кандидат физико-математических наук

E-mail: faa55@bk.ru; ORCID: 0000-0002-5684-5841

Забайкальский государственный университет, Чита

Аннотация. В статье представлены результаты анализа влияния новых институциональных инструментов поддержки инвестиционных процессов на Дальнем Востоке на доходы граждан в разрезе отраслей. Показано, что ряд выявленных позитивных тенденций в большей степени обусловлен общероссийскими факторами, а не специфическими мерами, связанными с «институтами развития». В то же время в половине регионов наблюдается отставание в социальной сфере, что позволяет предполагать сохранение «экстрактивного» характера институциональной среды. Ограничившись существующими формами институционального регулирования, вряд ли можно ожидать, что удастся решить задачу демографической стабилизации на востоке страны. Необходимо внести изменения в механизмы перераспределения национального богатства, а для этого, в свою очередь, потребуется гораздо более глубокая институциональная трансформация, чем создание «дальневосточных институтов развития» в нынешнем формате.

Ключевые слова: институциональные изменения; инвестиции в основной капитал; реальные доходы граждан; среднегодовая численность занятых; налог на доходы физических лиц; специальные налоговые режимы; Дальний Восток

Введение

В работе представлен эмпирический анализ результатов некоторых экономических процессов в восточных регионах России, входящих в Дальневосточный федеральный округ и Байкальский регион, за 2015–2019 гг., после того, как там были внедрены

¹ Исследования проведены в рамках государственного задания ИПРЭК СО РАН по теме FUFRR-2021-0001, № государственной регистрации 121032200126-6.

новые институциональные решения, направленные на ускоренное развитие этой части страны [Минакир, 2019].

Центральная задача институциональных преобразований – стимулирование инвестиционной активности, с этой целью были введены специальные налоговые режимы и др. льготы. В одной из наших работ [Глазырина и др., 2020а] показано, что в 2019 г. уровень среднелюдских инвестиций был значительно выше среднероссийского в большинстве исследуемых регионов. Хотя основная их доля направлялась в минерально-сырьевой сектор, органы власти не считали это проблемой. На всех уровнях озвучивались ожидания значительного увеличения бюджетных поступлений, которые позволят предпринять региональные меры для роста благосостояния граждан, улучшения финансирования образования, здравоохранения, благоустройства. Мультипликативные эффекты должны были стать драйверами диверсификации экономики, в том числе для разработки и внедрения инноваций.

Ясно, что трудно ожидать решения этих задач за пять лет, однако важно понять, формируются ли тенденции, которые смогут привести к желаемому итогу? В каких аспектах институциональные новации приносят позитивные результаты, а в каких – оказываются, в лучшем случае, бесполезными? Чтобы ответить на эти вопросы, были проведены эмпирические исследования, некоторые результаты которых представлены в этой статье. На данном этапе авторы сознательно ограничились «доковидным» временным интервалом, чтобы отделить шоки, связанные с пандемией. Это позволит в дальнейшем, с одной стороны, оценить влияние этих шоков, а с другой – поможет понять, каким образом необходимо корректировать меры государственного регулирования в период восстановительного роста.

В статье И. А. Забелиной и Л. М. Фалейчик [Забелина, Фалейчик, 2021] выполнена оценка структурных сдвигов в экономике восточных регионов России на основе индекса Рябцева. Большинство регионов отнесены к 3-му классу (низкий уровень различия структур), однако, учитывая короткий срок, это следует считать заметным изменением. В основной массе регионов (кроме Бурятии и Приморья) изменение структуры экономики связано с ростом вклада в ВРП сектора добычи полезных ископаемых. Отмечено, что изменения структуры занятости в исследуемый период оказались существенно ниже, чем структуры ВРП и структуры

инвестиций, то есть нет оснований говорить о создании заметного количества качественных рабочих мест. При этом миграционный отток из восточных регионов не прекращается. Таким образом, результаты данного исследования говорят скорее о закреплении, а не о преодолении сырьевого характера развития.

Возможно, новые шоки после февраля 2022 г. выведут на первый план другие факторы социально-экономической динамики в регионах России. Согласно прогнозу Центрального банка РФ², ожидаемое падение ВВП страны в 2022 г. составит 8–12,7%, и только в 2024 г. начнется экономический рост (еще 21.02.2022 Минэкономразвития объявило официальный прогноз +2,2%)³. Ожидаемая инфляция по итогам 2022 г. – 20% (предыдущая оценка Минэкономразвития – 5,9%). Однако задачи развития геостратегических территорий Востока России в этих условиях не становятся менее актуальными, и их все равно предстоит решать. Поэтому есть надежда, что представленные результаты позволят, как минимум, избежать прежних ошибок и неэффективного использования ресурсов, ставших еще более ограниченными.

В исследовании использованы данные Федеральной службы государственной статистики⁴ (Росстата) и Федеральной налоговой службы России⁵ (ФНС) за 2015–2019 гг., аналитическая информация, представленная на официальных интернет-порталах и сайтах интернет-изданий. Для изучения динамики и межрегиональных сравнений все используемые показатели приведены к сопоставимому виду, базисный год – 2015-й; расчеты выполнены с использованием региональных индексов потребительских цен (ИПЦ) и индексов физического объема инвестиций в основной капитал (ОК). В нашем исследовании к восточным регионам отнесены субъекты Федерации, входящие в состав Дальневосточного феде-

² ЦБ дал первый официальный прогноз по глубине рецессии. URL: https://www.rbc.ru/economics/29/04/2022/626bc2939a7947ebdf90a9f1?from=from_main_5 (дата обращения: 29.04.2022).

³ Минэкономразвития понизило оценку роста ВВП РФ в 2022 г. с 3,0% до 2,8%. URL: <https://www.interfax.ru/business/823295> (дата обращения: 09.04.2022).

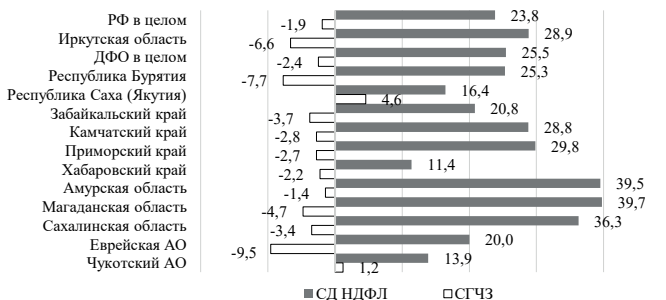
⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 09.04.2022).

⁵ Данные по формам статистической налоговой отчетности URL: https://www.nalog.gov.ru/rn75/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 09.04.2022).

рального округа⁶ (ДФО) и Байкальского региона (БР): Республики Бурятия и Саха (Якутия), Забайкальский, Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Магаданская и Сахалинская области, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ и Иркутская область.

Рост региональных фондов заработной платы

Об изменениях в благосостоянии граждан в определенной степени можно судить по росту среднедушевого уплаченного налога на доходы физических лиц (СД НДФЛ). Мы считаем, что этот показатель дает более объективную характеристику уровня оплаты труда в динамике в разрезе регионов, чем средняя заработная плата, так как он не подвержен манипуляциям с расчетами за счет долевых ставок. Рисунок 1 дает некоторое представление об изменениях, произошедших в этой сфере за пять лет после 2015 г.

Источник рис. 1–11, табл. 1: расчеты авторов на основе данных Федеральной налоговой службы России и Федеральной службы государственной статистики.

Рис. 1. Прирост среднедушевого НДФЛ и среднегодовой численности занятых (СГЧЗ) по восточным регионам РФ за 2015–2019 гг., % к 2015 г.

Прирост поступлений НДФЛ, и, следовательно, рост фонда официальной заработной платы, произошел во всех рассматриваемых регионах; его темпы в 7 из 11 субъектов ДФО оказались выше, чем в среднем по России. В целом по ДФО этот показатель превысил общероссийский на 7%. Одновременно во всех регионах,

⁶ В настоящем исследовании к ДФО отнесены одиннадцать регионов РФ.

за исключением Якутии и Чукотки, продолжается снижение числа занятых в экономике, причем его темпы практически везде выше среднероссийского уровня.

В разных отраслях темпы роста СД НДСЛ и, соответственно, роста доходов, были неодинаковы, существенно различались в том числе и по знаку (направлению) (таблица).

Прирост среднедушевого НДСЛ по основным отраслям в регионах Востока России за 2015–2019 гг., % к 2015 г.

Регион	Всего	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	Строительство	Транспортировка и хранение	Образование	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг
РОССИЯ	23,8	48,6	19,0	20,7	4,8	20,5	2,4	18,9	28,4
Иркутская область	28,9	97,2	16,3	22,9	17,4	62,8	8,2	20,9	25,9
ДФО в целом	25,5	120,4	3,8	26,9	2,0	56,8	13,7	18,1	30,6
Республика Бурятия	25,3	37,5	31,9	17,7	1,4	98,3	5,6	13,6	25,4
Республика Саха (Якутия)	16,4	32,2	9,8	-14,8	40,5	69,5	29,2	11,2	33,3
Забайкальский край	20,8	54,7	86,9	-6,7	8,9	1,5	24,0	26,1	35,5
Камчатский край	28,8	125,4	44,0	146,0	-27,4	77,3	18,3	10,3	15,8
Приморский край	29,8	79,7	45,6	27,7	-16,1	52,4	20,3	20,5	22,4
Хабаровский край	11,4	65,5	5,7	20,3	-1,6	14,1	-1,1	8,9	22,0
Амурская область	39,5	34,9	28,0	47,6	8,7	85,4	-6,1	17,1	33,0
Магаданская область	39,7	97,0	66,8	44,5	4,7	66,3	16,7	16,7	33,7
Сахалинская область	36,3	269,4	-68,0	5,2	3,3	33,0	27,3	41,4	52,7
Еврейская АО	20,0	26,0	23,4	21,7	21,9	69,3	15,4	18,4	11,9
Чукотский АО	13,9	50,6	11,5	-48,9	20,4	9,0	6,8	20,2	20,2

Примечание: Серым цветом выделены значения, не превышающие среднероссийский уровень, жирным шрифтом – отрицательные значения прироста.

Минерально-сырьевой комплекс

Добыча полезных ископаемых ожидаемо оказалась той отраслью, в которой произошли наибольшие позитивные сдвиги. Почти во всех регионах рост доходов в этом секторе

сопровождался и увеличением числа занятых (рис. 2). В то же время на Сахалине, где в добыче полезных ископаемых преобладает нефтегазовый сектор [Изотов, 2017, 2018; Glazyrina et al., 2021], и куда направлялась львиная доля всех инвестиций, произошло кардинальное сокращение среднедушевого НДФЛ, которое трудно объяснить только волатильностью⁷ на мировых рынках. Можно предположить, что значительная доля нефтегазовых доходов направляется бенефициарам вне региона.

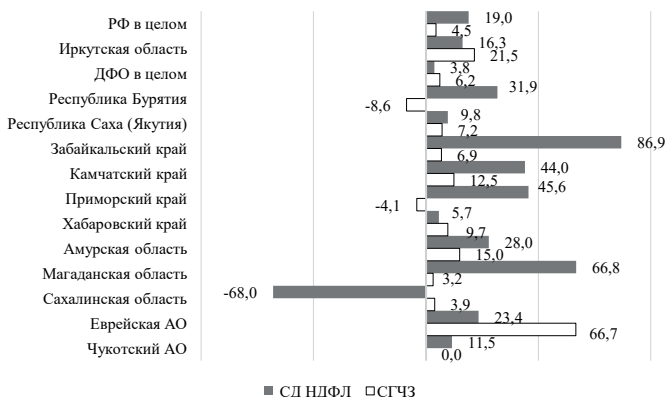

Рис. 2. Прирост среднедушевого НДФЛ и среднегодовой численности занятых по восточным регионам РФ за 2015–2019 гг. по ВЭД «Добыча полезных ископаемых – всего», % к 2015 г.

В целом, между объемами инвестиций в добывающие секторы и среднедушевыми доходами тех, кто в них занят, на Дальнем Востоке и Байкальском регионе нет очевидной положительной связи (рис. 3), Разумеется, на этом основании нельзя делать вывод о том, что рост инвестиций снижает среднедушевые доходы. Но также трудно ожидать, что дальнейшее стимулирование инвестиционных процессов даже в крупные горнодобывающие производства однозначно приведет к росту благосостояния сотрудников отрасли.

⁷ График нефти за 10 лет. URL: https://market-prices.com/Crude_Oil/Grafik_nefti_za_10_let.html (дата обращения: 09.04.2022); Стоимость газа США, Европа, Япония по годам. URL: <https://vseofinansah.ru/servisy/stoimost-gaza-ssha-evropa-yaponiya-po-godam> (дата обращения: 09.04.2022).

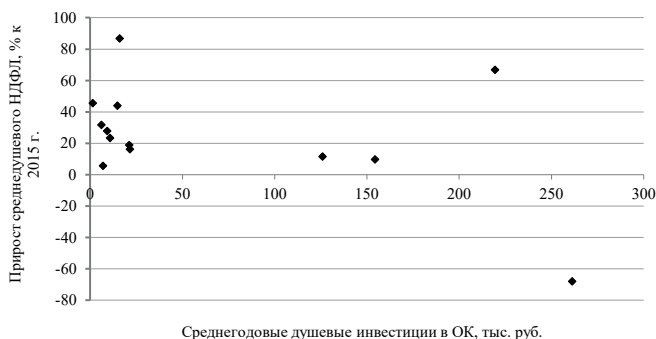

Рис. 3. Рассеяние среднегодовых объемов душевых инвестиций в основной капитал (ОК) и прироста среднегодового НДФЛ за 2015–2019 гг. за тот же период для ВЭД «Добыча полезных ископаемых – всего»

Строительство

Строительство – еще одна отрасль, которая могла бы стать бенефициаром инвестиционного стимулирования с точки зрения роста индивидуальных доходов. Действительно, прирост поступлений НДФЛ в консолидированный бюджет (КБ) РФ в большинстве восточных регионов значительно превышает общероссийский показатель (рис. 4).

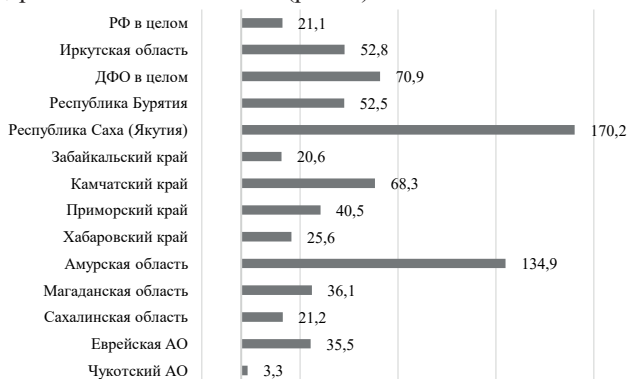

Рис. 4. Прирост поступлений НДФЛ по регионам ДФО и БР за 2015–2019 гг. по ВЭД «Строительство», % к 2015 г.

Одновременно в строительстве наблюдается тенденция резкого роста налоговых поступлений, предусмотренных специальными налоговыми режимами, причем по России в целом темп их роста в 4,5 раза выше, чем темп роста НДС (рис. 5). Это говорит о том, что в этой сфере развитие в значительной степени идет по пути создания/расширения малых и средних предприятий, в том числе за счет вывода на аутсорсинг некоторых видов деятельности с целью оптимизации издержек. Рисунок 5 показывает, что этот процесс наиболее активно идет в Иркутской области, Приморском и Хабаровском краях. В остальных регионах его темпы ниже общероссийских.

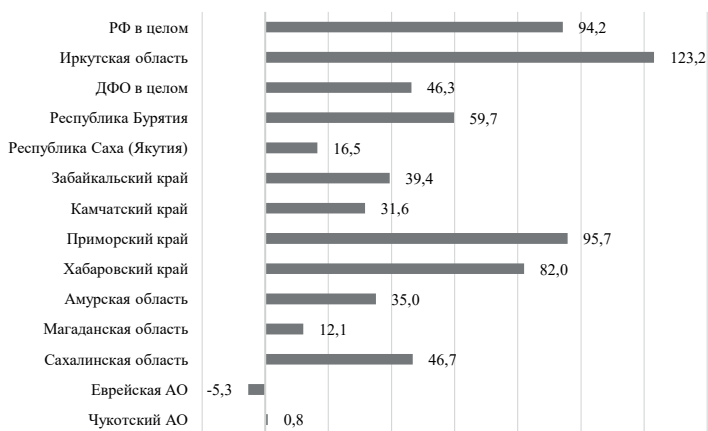

Рис. 5. Прирост поступлений в КБ РФ налогов, предусмотренных специальными налоговыми режимами, по ВЭД «Строительство» за 2015–2019 гг., % к 2015 г.

Однако в то же время между количественными показателями объемов инвестиций в основной капитал и ростом заработной платы в этой отрасли, так же как в добывающей, положительной связи практически не наблюдается (рис. 6). Можно сделать заключение, что отмеченные позитивные тенденции определяются в первую очередь не объемами поступивших инвестиций, а другими факторами, которые существенно зависят от условий конкретных регионов.

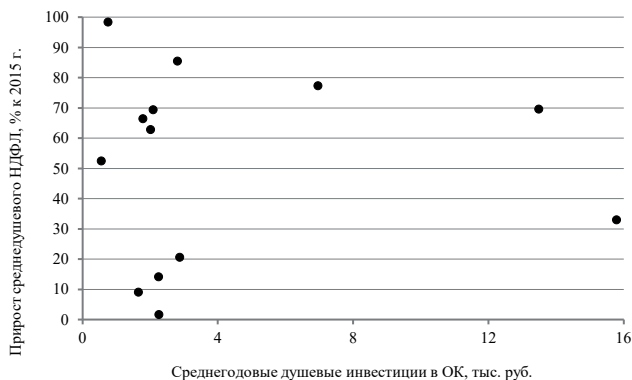

Рис. 6. Рассеяние среднегодовых объемов душевых инвестиций в основной капитал, и прироста среднегодового НДСФЛ за 2015–2019 гг. для ВЭД «Строительство»

Обрабатывающая промышленность

Прирост поступлений среднегодового НДСФЛ из обрабатывающих секторов в целом по России превысил аналогичный показатель для добывающей промышленности (рис. 7). Это может быть следствием медленных структурных изменений в сторону создания высокотехнологичных производств. Но, возможно, это происходит просто из-за повышений зарплат в высокотехнологичных секторах вследствие нарастающего дефицита инженерных кадров и роста конкуренции на рынке труда со стороны спроса. Во всяком случае, сокращение численности занятых в обрабатывающей промышленности говорит о том, что там не наблюдается роста числа рабочих мест. Еще более драматично это сокращение на востоке страны. Лишь на Камчатке и Чукотке отмечается увеличение занятости в обрабатывающей промышленности.

В Иркутской области основной вклад в рост регионального фонда заработной платы (как и в РФ в целом) внесли металлургические предприятия, включая производство драгоценных металлов. Самым впечатляющим является рост этого фонда в Камчатском крае. Он достигнут за счет категории «Прочие обрабатывающие производства», в основном в секторе переработки морских биоресурсов.

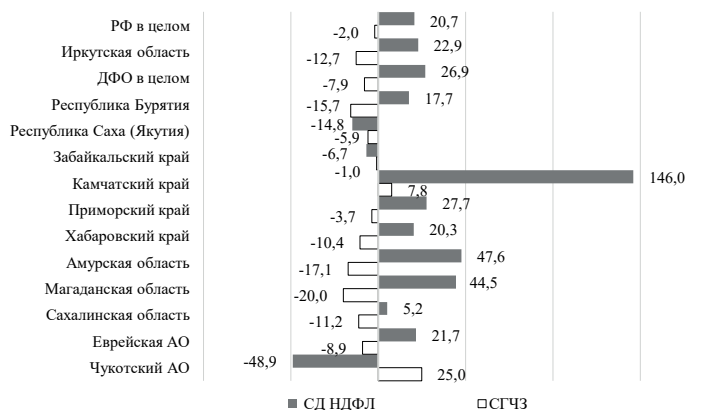

Рис. 7. Прирост среднедушевого НДФЛ и среднегодовой численности занятых по восточным регионам РФ за 2015–2019 гг. по ВЭД «Обрабатывающие производства – всего», % к 2015 г.

Социальная сфера

Поступления в консолидированные бюджеты регионов теоретически создают условия для региональных инвестиций в образование и здравоохранение. Среднегодовой рост доходов медицинских работников в РФ, отраженных в НДФЛ, превысил 5%, а по специальным налоговым режимам – 10% в год в течение пяти лет (рис. 8). Последнее свидетельствует об опережающем развитии частной медицины по сравнению с государственным здравоохранением. Аналогичная динамика наблюдается в большинстве восточных регионов. Это можно было бы считать вполне позитивным явлением, если бы оно не было связано со снижением доступности медицинских услуг. В частных клиниках лишь очень незначительная их доля покрывается за счет средств обязательного медицинского страхования по выделяемым квотам, в основном это касается высокотехнологичных видов помощи. Кроме того, в большинстве восточных регионов рост обоих показателей ниже, чем в среднем по России. Разница в оплате труда – одна из основных причин оттока медицинских специалистов из восточных регионов (рис. 9).

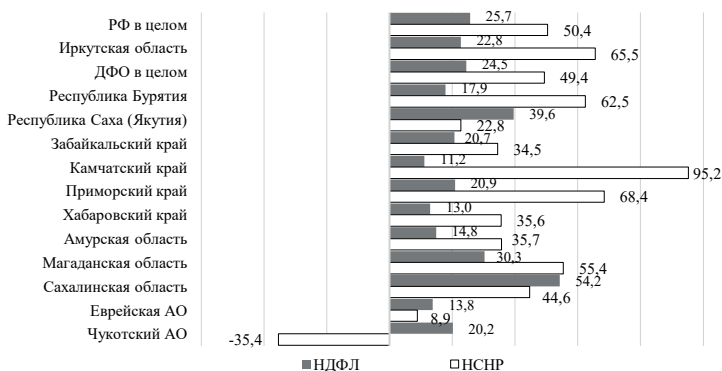

Рис. 8. Прирост поступлений в КБ РФ НДСЛ и налогов, предусмотренных специальными налоговыми режимами (НСНР), по ВЭД «Здравоохранение и предоставление социальных услуг» за 2015–2019 гг., % к 2015 г.

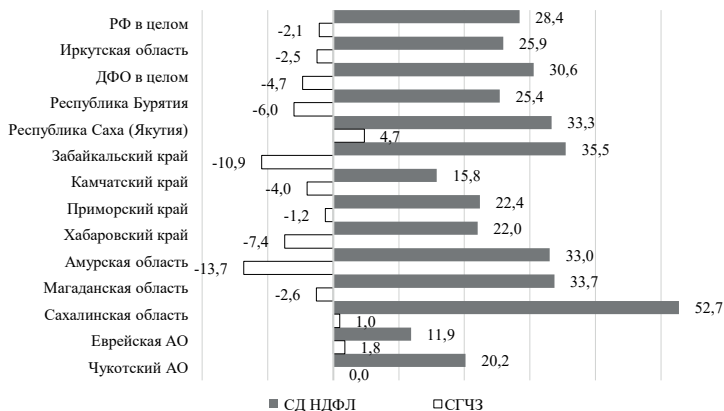

Рис. 9. Прирост среднедушевого НДСЛ и среднегодовой численности занятых по восточным регионам РФ за 2015–2019 гг. по ВЭД «Здравоохранение и предоставление социальных услуг», % к 2015 г.

В секторе образования аналогичная ситуация. Наблюдается некоторый прирост НДСЛ, но в большинстве восточных регионов

он ниже, чем в среднем в стране. И почти повсеместное сокращение числа учителей, воспитателей и др. работников этой сферы (рис. 10).

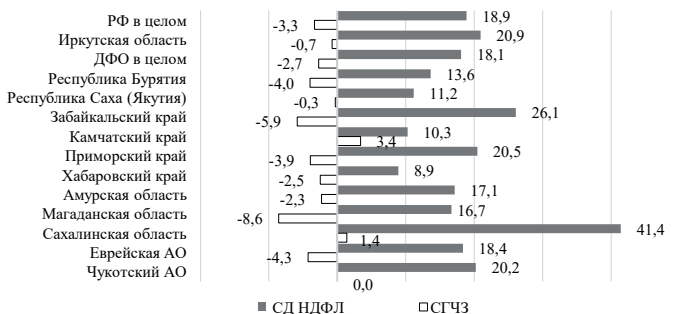

Рис. 10. Прирост среднедушевого НДФЛ и среднегодовой численности занятых по восточным регионам РФ за 2015–2019 гг. по ВЭД «Образование», % к 2015 г.

Рост объемов НДФЛ, безусловно, говорит об увеличении начисленной заработной платы в социальной сфере. Однако вряд ли это можно связать с объемами поступающих в регионы инвестиций – корреляция между этими процессами практически отсутствует (рис. 11, 12).

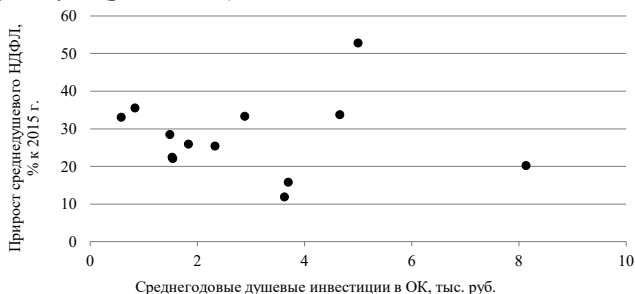

Рис. 11. Рассеяние среднегодовых объемов душевых инвестиций в основной капитал (ОК) и прироста среднедушевого НДФЛ за 2015–2019 гг. для ВЭД «Здравоохранение и предоставление социальных услуг»

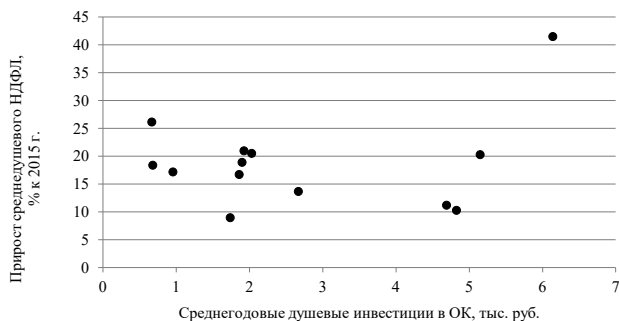

Рис. 12. Рассеяние среднегодовых объемов душевых инвестиций в основной капитал и прироста среднегодушевого НДФЛ за 2015–2019 гг. для ВЭД «Образование»

Заключение

Во всех рассмотренных отраслях в России в целом и большинстве восточных регионов отмечается увеличение бюджетных поступлений по НДФЛ. Поскольку расчеты произведены с учетом индекса потребительских цен, можно говорить о росте части реальных доходов граждан, непосредственно связанных с оплатой труда. Анализ результатов расчетов показал, что можно говорить о позитивных изменениях в отношении оплаты труда работников в 2015–2019 гг. в отличие от представленных в более ранней статье авторов [Глазырина и др., 2020б] за период 2011–2016 гг. В той работе показано, что в половине регионов среднегодушевой НДФЛ в 2011–2016 гг. уменьшился, а в остальных регионах его рост был гораздо ниже, чем в 2015–2019 гг. В целом по России этот показатель за период 2011–2016 гг. увеличился лишь на 0,5%, а за 2015–2019 гг. – на 23,8%.

В то же время динамика среднегодушевого НДФЛ за период 2015–2019 гг., представленная в таблице 1, показывает, что в пяти из двенадцати территорий Дальнего Востока и Байкальского региона прирост НДФЛ был ниже среднероссийского, в Хабаровском крае и Еврейской АО – существенно. В Республике Бурятия и в Забайкальском крае отличие от среднероссийского уровня не столь значительное, но эти регионы вошли в ДФО только в 2018 г., и новые инструменты стимулирования инвестиционной

активности вряд ли оказали заметное влияние на экономические результаты. Таким образом, можно предположить, что позитивная динамика среднедушевых доходов обусловлена скорее общероссийскими факторами, чем специфическими условиями, связанными с дальневосточными институтами развития.

В секторе добычи полезных ископаемых позитивные тенденции проявляются в росте численности занятых. Несмотря на то, что значительная их доля работает вахтовым методом, во многих случаях основной контингент вахтовиков составляют жители региона добычи или соседних территорий, поскольку компании заинтересованы в снижении транспортных затрат. Например, доля жителей Забайкальского края в числе сотрудников Быстринского⁸ ГОКа устойчиво превышает 50%, не менее 10% составляют жители других регионов юга Сибири и Дальнего Востока. Вахтовым способом работают более 93% сотрудников, при этом 38% имеют высшее образование, что говорит о качестве созданных рабочих мест. Рост реальных доходов жителей Газимуро-Заводского района Забайкальского края существенно превышает среднерегиональный, и прирост среднедушевого НДФЛ в добывающей отрасли региона в значительной мере обусловлен работой этого крупного современного предприятия. Но если рассматривать эту отрасль в ДФО в целом, то это скорее исключение, чем правило: прирост среднедушевого НДФЛ (3,8%) оказался в несколько раз ниже общероссийского (19%).

В строительстве прирост НДФЛ за 2015–2019 гг. в ДФО (70,9%) превысил средний по РФ в 3,4 раза. Прирост поступлений налогов, предусмотренных специальными налоговыми режимами, в ДФО (46,3%) оказался в два раза ниже общероссийского (94,2%). Но в любом случае в большинстве регионов этот показатель выше, чем в обрабатывающей отрасли и в социальной сфере.

Расчеты показывают, что в ряде регионов по некоторым отраслям наблюдался рост официальных доходов работающих граждан с опережающими темпами по сравнению со средним по РФ. Однако к настоящему моменту вряд ли есть основания полагать, что это стало следствием работы новых институтов

⁸ ООО «ГРК «Быстринское» (Быстринский ГОК) – дочернее предприятие, которое было построено «Норникелем» 2017 г. в Газимуро-Заводском районе Забайкальского края. Комбинат обогащает руду Быстринского месторождения золота, меди и железа.

развития Дальнего Востока. Так, Иркутская область, включенная в Байкальский регион, но не входящая в ДФО, демонстрирует практически лучшие результаты среди всех рассматриваемых регионов (таблица). Еще меньше оснований утверждать, что между объемом инвестиций, привлеченных вследствие дальневосточных предпочтений, и темпами роста доходов граждан есть прямая положительная связь. В то же время этот показатель – объем привлеченных инвестиций – считается одной из главных характеристик эффективности деятельности органов государственного управления. Поэтому усилия региональных властей чаще всего оказываются направленными на крупные проекты с «внешними» по отношению к региону источниками капложений. Это способствует перераспределению произведенного национального богатства «с востока на запад» и одновременно снижает мотивацию для региональных органов управления (нацеленных на повышение рейтингов по «инвестиционной привлекательности») к поддержке тех проектов, которые могли бы стать источником эндогенного роста.

Местные бизнес-инициативы часто проигрывают крупным проектам и в конкуренции за качественный человеческий капитал, дефицит которого все больше становится лимитирующим фактором регионального развития. Это стало следствием устойчивого оттока населения из восточных регионов (в основном, молодых образованных людей), который продолжается до сих пор.

Несмотря на рост доходов, почти во всех регионах снижается занятость в ключевых секторах социальной сферы. Увеличение заработной платы объясняется возрастающей нагрузкой на работников, трудоустройством более чем на одну ставку. Это приводит к снижению качества жизни, которое не компенсируется возросшим заработком.

В работе В. А. Крюкова и В. Е. Селиверстова обсуждаются вопросы, связанные с проблемами современного позиционирования Сибири в социально-экономическом пространстве России. Отмечается, что вместо распространенного представления о ресурсном проклятии Сибири «скорее следует говорить об “институциональном проклятии Сибири”, связанном с неспособностью государства рационально использовать свое пространство и ресурсы» [Kryukov, Seliverstov, 2021. С. 1]. Дезинтеграция межрегиональных экономических связей в последние 30 лет привела

к сокращению потенциала для формирования мультипликативных эффектов от недропользования в Сибири.

Представленные результаты показывают, что это в определенной степени справедливо и для Дальнего Востока России. Новые институциональные механизмы не направлены на стимулирование интеграционных процессов, но де-факто способствуют перемещению создаваемого в северных и восточных регионах национального богатства «с востока на запад» страны.

Мы считаем, что результаты работы подтверждают также и выводы коллег [Минакир, Найден, 2020] о том, что акцент на «институциональное регулирование» не способствует решению задачи демографической стабилизации и повышению уровня жизни на Дальнем Востоке. Во всяком случае, это касается выбранной формы «институционального регулирования», в которой главным ориентиром стало привлечение как можно больших объемов инвестиций. Расчеты показывают опережающий рост официальных доходов в некоторых отраслях, что, несомненно, является позитивным фактором. Однако в половине регионов наблюдается отставание в социальной сфере, что позволяет предполагать сохранение «экстрактивного» характера институциональной среды [Нагхов, Полищук, 2017; Acemoglu, Robinson, 2012; Зубаревич, 2017].

Поэтому, на наш взгляд, ограничившись существующими формами институционального регулирования, вряд ли можно ожидать, что удастся решить задачу демографической стабилизации на востоке страны. По-видимому, необходимо внести изменения в механизмы перераспределения национального богатства, а для этого, в свою очередь, потребуется гораздо более глубокая институциональная трансформация, чем создание «дальневосточных институтов развития» в нынешнем формате. В частности, необходимы инструменты поддержки межрегиональной кооперации и переориентация бюджетной системы на стимулирование развития регионов [Крюков, Коломак, 2021]. Кроме того, в процедуры принятия решений по стратегическому планированию и поддержке бизнеса вместо количественных показателей объемов привлеченных средств необходимо включить показатели их качества: насколько они способствуют повышению благосостояния граждан в регионе.

Литература

Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А. Инвестиции и трансграничная кооперация на Востоке России // Регион: экономика и социология. 2020а. № 4(108). С. 202–234. DOI: 10.15372/REG20200409. EDN: RLERLA

Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А. Пространственная дифференциация чистых доходов и проблемы сохранения населения в приграничных регионах на востоке России // Известия РАН. Серия географическая. 2020б. Т. 84. № 3. С. 341–358. DOI: 10.31857/S2587556620030152. EDN: XNHVJL

Забелина И.А., Фалейчик Л.М. Структурные изменения в экономике восточных регионов РФ в контексте реализации новой модели развития Дальнего Востока // ЭКО. 2021. № 11. С. 93–118. DOI: 10.30680/ECCO0131–7652–2021–11–93–118. EDN: CQRMVJ.

Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46–57. EDN: YSPLCJ.

Изотов Д.А. Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. 2017. № 4 (514). С. 27–44. EDN: YVBHNL.

Изотов Д.А. Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока России с субглобальными экономическими структурами в условиях рецессии национальной экономики // Пространственная экономика. 2018. № 1. С. 138–153. DOI: 10.14530/se.2018.1.138–153. EDN: YUDQYF.

Крюков В.А., Коломак Е.А. Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 227. № 1. С. 92–114. DOI: 10.38197/2072–2060–2021–227–1–92–114. EDN: QONSBV.

Минакир П.А. Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 1. С. 7–17. DOI: 10.14530/se.2019.1.007–017. EDN: YZQXDF.

Минакир П.А., Найден С.Н. Социальная динамика на Дальнем Востоке: дефект идей или провал институтов? // Регион: экономика и социология. 2020. № 3(107). С. 30–61. DOI: 10.15372/REG20200302. EDN: HXSYKN.

Натхов Т.В., Полищук Л.И. Политэкономика институтов: как важно быть инклюзивным. Размышления над книгой D. Acemoglu, J. Robinson ‘Why Nations Fail’. Ч. 1. Институты и экономическое развитие. Институциональный выбор // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 2. С. 12–38. DOI: 10.31737/2221–2264–2017–34–2–1. EDN: YTSZTT.

Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. N.Y.: Crown Business Publ., 2012. 529 p.

Glazyrina I.P., Faleychik L.M., Faleychik A.A. Institutional Policy and the Role of Foreign Direct Investment in the Far East of Russia // Regional Research of Russia. 2021. Vol. 11, № 4. Pp. 625–637. DOI: 10.1134/S2079970521040043 EDN: GSNRFA.

Kryukov V.A., Seliverstov V.E. From the Continental and Resource Curse of Siberia to Institutional Harmony // Regional Research of Russia. 2021. Vol. 11. Suppl. 1. Pp.S1–S12. DOI: 10.1134/S2079970522010038

Статья поступила 12.04.2022

Статья принята к публикации 17.04.2022

Для цитирования: Глазырина И. П., Фалейчик Л. М., Фалейчик А. А. «Дальневосточная» инвестиционная политика и доходы граждан в разрезе основных отраслей: опыт эмпирического анализа // ЭКО. 2022. № 7. С. 80–98. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-7-80-98

Summary

Glazyrina, I.P., *Doct. Sci. (Econ.), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS, Faleychik, L.M.,* *Cand. Sci. (Technical), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS, Faleychik, A.A.,* *Cand. Sci. (Physical and Mathematical), Transbaikal State University, Chita*

“Far Eastern” Investment Policy and Income of Citizens by Major Industries: An Empirical Analysis

Abstract. The paper presents the results of the analysis of the impact of new institutional instruments to support investment processes in the Far East on the incomes of citizens in the context of industries. It is shown that a number of identified positive trends are largely due to all-Russian factors, rather than to specific measures related to “development institutions”. At the same time, half of the regions are lagging behind in the social sphere, which suggests the preservation of the “extractive” nature of the institutional environment. Being limited to the existing forms of institutional regulation, one can hardly expect that the task of demographic stabilization in the east of the country will be solved. It is necessary to make changes in the mechanisms of redistribution of national wealth, and this, in turn, will require a much deeper institutional transformation than the creation of “Far Eastern development institutions” in the current format.

Keywords: *institutional changes; investment in fixed capital; real incomes of citizens; average annual number of employees; personal income tax; special tax regimes; Far East*

References

- Acemoglu, D., Robinson, J. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York, Crown Business Publ. 529 p.
- Glazyrina, I.P., Faleychik, L.M., Faleychik, A.A. (2020a). Investment and cross-border cooperation in the East of Russia. *Region: Economics and Sociology*. No. 4(108). Pp. 202–234. (In Russ.). DOI: 10.15372/REG20200409
- Glazyrina, I.P., Faleychik, L.M., Faleychik, A.A. (2020b). Spatial differentiation of net income and population conservation problems in border regions of the Russia’s East. *Izvestiya RAN (Akad. Nauk SSSR). Seriya Geograficheskaya*. Vol. 84. No. 3. Pp. 341–358. (In Russ.). DOI: 10.31857/S2587556620030152
- Glazyrina, I.P., Faleychik, L.M., Faleychik, A.A. (2021). Institutional Policy and the Role of Foreign Direct Investment in the Far East of Russia. *Regional Research of Russia*. Vol. 11. No. 4. Pp. 625–637. DOI: 10.1134/S2079970521040043
- Izotov, D.A. (2017). Far East: innovations in public policy. *ECO*. No. 4 (514). Pp. 27–44. (In Russ.)

Izotov, D.A. (2018). Russian Far East' Investment Cooperation with Sub-Global Economic Structures Under the Conditions of the National Economy's Recession. *Spatial Economics*. No. 1. Pp. 138–153. (In Russ.). DOI: 10.14530/se.2018.1.138–153

Kryukov, V.A., Kolomak, E.A. (2021). Spatial development of Russia: main problems and approaches to overcoming them. *Scientific Proceedings of the Free Economic Society of Russia*. Vol. 227. No. 1. Pp. 92–114. (In Russ.). DOI: 10.38197/2072–2060–2021–227–1–92–114

Kryukov, V.A., Seliverstov, V.E. (2021). From the Continental and Resource Curse of Siberia to Institutional Harmony. *Regional Research of Russia*. Vol. 11. Suppl. 1. Pp. S1–S12. DOI: 10.1134/S2079970522010038

Minakir, P.A. (2019). Far Eastern Institutional Novations: Imitation of a New Stage. *Spatial Economics*. Vol. 15. No. 1. Pp. 7–17. (In Russ.). DOI: 10.14530/se.2019.1.007–017

Minakir, P.A., Nayden, S.N. (2020). Social dynamics in the Far East: defect of ideas or failure of institutions. *Region: Economics and Sociology*. No. 3 (107). Pp. 30–61. (In Russ.). DOI: 10.15372/REG20200302

Natkhov, T.V., Polishchuk, L.I. (2017). The political economy of institutions: the importance of being inclusive. Reflections on the book of D. Acemoglu, J. Robinson *Why Nations Fail, Part 1: Institutions and economic development. Institutional choice. The Journal of the New Economic Association*. No. 2. Pp. 12–38. (In Russ.). DOI: 10.31737/2221–2264–2017–34–2–1

Zabelina, I.A., Faleychik, L.M. (2021). Structural Changes in the Economy of the Russian Eastern Regions in the Context of the Implementation of a New Development Model of the Russian Far East. *ECO*. No. 11. Pp. 93–118. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2021–11–93–118

Zubarevich, N.V. (2017). Development of the Russian Space: Barriers and Opportunities for Regional Policy. *The world of new economy*. No. 11 (2). Pp. 46–57. (In Russ.)

For citation: Glazyrina, I.P., Faleychik, L.M., Faleychik, A.A. (2022). “Far Eastern” Investment Policy and Income of Citizens by Major Industries: An Empirical Analysis. *ECO*. No. 7. Pp. 80–98. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-7-80-98